

Массимо Армеллини –

юрист, судья первой инстанции, историк Восточной Европы и Центральной Азии, публицист в области международных отношений, геополитики и военной истории (Италия)

I have a dream...

Мечты европейца о *EURUSSIA*

В 1966–1968 и 1989–1990 годах были упущены две благоприятные возможности сближения Западной и Восточной Европы.

Именно на вторую половину 60-х приходится наивысший размах геополитической фронды голлистской Франции внутри блока НАТО – впрочем, фронды, не поддержанной другими европейскими союзниками. Президент Франции генерал Шарль де Голль, использовавший любой удобный случай для того, чтобы утвердить традиционно важную роль своей страны в европейских делах, доставил много неприятностей до тех пор бесспорной гегемонии США в Центральной и Западной Европе, предлагая оригинальную концепцию «общего европейского дома», простирающегося от Атлантики до Урала. Однако советское руководство, продолжая упорно придерживаться логики Ялтинских соглашений и более заботясь о том, займет ли Германия место, оставленное французами в НАТО,

чем о потенциальных геополитических перспективах, которые могут открыться в связи с голлистским вызовом американской гегемонии, продемонстрировало свою чрезвычайную близорукость и отсутствие стратегических планов. Голлистский проект нового европейского порядка позволял Франции, Германии и России, наконец, примириться и в перспективе сотрудничать без американского вмешательства. Однако несмотря на торжественный прием, устроенный де Голлю в Москве 21 июня 1966 года в ходе его масштабной поездки по СССР, и ответный официальный визит премьер-министра Алексея Косыгина во Францию 1–9 декабря 1966 года, стороны не пошли дальше общего выражения доброй воли.

Другая возможность плодотворного сотрудничества между двумя частями Старого света возникла летом и осенью 1968 года. Тогда, после двух неудачных двусторонних встреч между представителями советского и чехословацкого руководств на Чер-

ной Тисе и в Братиславе (во втором случае в переговорах принимали участие и лица от других стран-участниц Варшавского договора), Политбюро ЦК КПСС приняло окончательное решение. В соответствии с этим решением в ночь с 20 на 21 августа 1968 года страны Варшавского договора (за исключением Румынии) осуществили военное вторжение на территорию Чехословакии. Началась операция под кодовым названием «Дунай». Это привело к постепенному удушению внешними силами реформаторского эксперимента, более известного под названием «социализм с человеческим лицом» и проводимого Коммунистической партией Чехословакии. В данном случае советское руководство опять-таки проявило недальновидность и очевидный политический аутизм, совершенно не понимая того, что опыт реформ в Чехословакии не только не представлял угрозы для геополитических позиций СССР, но и, может быть, был последним шансом для Советского Союза, а также для всей системы так называемых народных демократий не опоздать на поезд постиндустриальной модернизации и в то же время утвердить свои позиции в мире, восстанавливая доверие к социалистической альтернативе капиталистической модели развития. Более того, руководители КПЧ в ходе процесса реформ, получившего название «Пражская весна», не собирались — по крайней мере, в ясно заявленных намерениях — поставить под сомнение социалистический характер своей страны, а также собственную лояльность по отношению к Восточному блоку и членству Чехословакии в ОВД. Однако им не удалось осуществить плодотворный для развития гражданского общества синтез между коллективными дости-

Президент Франции генерал Шарль де Голль (на фото), использовавший любой удобный случай для того, чтобы утвердить традиционно важную роль своей страны в европейских делах, доставил много неприятностей до тех пор бесспорной гегемонии США в Центральной и Западной Европе, предлагая оригинальную концепцию «общего европейского дома», простирающегося от Атлантики до Урала.

жениями в социалистическом лагере и ныне неоспоримой необходимостью в свободной дискуссии, а также в уважении прав личности, то есть создать «социализм с человеческим лицом». Наконец, до вторжения в августе 1968 года в общественном мнении Чехословакии Советский Союз предстал в образе освободителя 1945 года, войска которого затем быстро покинули территорию восстановленного государства. Справедливости ради следует отметить, что полная ответственность советского руководства за утрату первой возможности сближения с За-

падной Европой в 1966–1968 годах уравнивается виной европейских элит за вторую упущенную возможность двадцать лет спустя — в 1989–1990 годах, во время стремительного распада советского блока. В период между падением Берлинской стены 9 ноября 1989 года и, по крайней мере, до июля 1990 года, когда состоялось объединение валют двух Германий (и это был заключительный шаг перед воссоединением единого германского государства 3 октября 1990 года), среди европейских политических и общественных деятелей развернулась

Советские войска в Праге в 1968 году

Возможность плодотворного сотрудничества между двумя частями Старого света возникла летом и осенью 1968 года. Но советское руководство проявило недальновидность и очевидный политический аутизм, совершенно не понимая того, что опыт реформ в Чехословакии не только не представлял угрозы для геополитических позиций СССР, но и, может быть, был последним шансом для Советского Союза, а также для всей системы так называемых народных демократий не опоздать на поезд постиндустриальной модернизации и в то же время утвердить свои позиции в мире, восстанавливая доверие к социалистической альтернативе капиталистической модели развития.

дискуссия. Ее участники — а среди них были, в частности, видный германский социал-демократ Эгон Бар и тогдашний министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе — размышляли о возможности использования воссоединения Германии как отправной точки для развития новой архитектуры европейской интеграции. В формулировке Михаила Горбачева эта идея получила голлистское название «общего европейского дома». Следовательно, объ-

единенная федеративная Германия, стратегически занимающая центральную позицию на карте Европы и находящаяся на линии соприкосновения Запада и Восточного блока, становилась потенциальным швом между двумя частями Европы. Таким образом, она могла бы выступить в роли своего рода наименьшего общего знаменателя для этих частей, которые более не должны были представлять собой противоборствующие военно-политические блоки.

В результате возникли бы условия для их постепенной реальной конвергенции. И тогда бы Германия сыграла плодотворную и позитивную роль — выполнила функцию своеобразной компенсационной камеры между двумя системами, отныне находящимися не в состоянии непримиримого противоборства, но в процессе постепенной диффузии. Тем более что имелся реальный шанс использовать накопленные к тому моменту синергетические возможности и уже действовавшие и эволюционировавшие структуры в системе международных отношений, которые в свое время привели к подписанию в 1975 году в Хельсинки Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Была сформирована ОБСЕ с постоянным Секретариатом и институтами. В эту организацию входили как нейтральные европейские страны, так

и члены двух военно-политических блоков. К тому же США и Канада как неевропейские державы, с одной стороны, и СССР как государство, располагавшееся в Европе и в Азии, с другой стороны, могли в рамках ОБСЕ плодотворно общаться в политическом, а не военном ключе.

Однако тогда возобладала совсем иная логика. Поворотным моментом тут стала оккупация Кувейта в августе 1990 года диктаторским режимом Саддама Хусейна. Скоро стало очевидно, что, с одной стороны, Соединенные Штаты, демонстрировавшие растущую военную мощь и волю к глобальной и ничем не сдерживаемой власти, стремятся играть партию единственной сверхдержавы и вселенского арбитра, вершащего судьбы мира. С другой стороны, проявилась откровенная политическая и военная немощь Советского Союза, в котором усугублялись экономический спад и дезорганизация, что исключало любую возможность напористой внешней политики. В итоге сложный геополитический европейский ландшафт был упрощен благодаря грубой и традиционный логике в духе «горя победленным», и на нем распространилась глупая и опасная иллюзия достижения «конца истории» с полной и окончательной победой капиталистической системы над социалистической.

В результате вместо того чтобы проводить адекватную внешнюю политику и предпринимать взвешенные шаги в отношении, возможно, уже запоздалых, безусловно импровизированных, но всё же пока еще небезнадежных реформистских усилий Горбачева, было принято другое решение — добиваться сиюминутных выгод. И Европа стала оказывать растущую и всё более явную поддержку попу-

листу и демагогу Борису Ельцину. Первый президент России продемонстрировал всю свою совершенную некомпетентность в управлении такой огромной страной, как Россия, и оказался незаменимым инструментом для экономического и фактически политического подчинения государства американским и западным интересам, а также алчным туземным олигархам. Началось почти десятилетнее правление Ельцина и его «семьи», сопровождавшееся всеобщим хаосом, системной коррупцией, слепым подражанием пагубной западной ультралиберальной экономической модели, игнорированием российских особенностей, легализованным грабежом государственных ресурсов и инфраструктурных мощностей и их распродажей за бесценок местным олигархам и иностранным корпорациям. Эта ситуация до прихода к власти Владимира Путина и его команды грозила привести Россию к окончательному краху. Тем временем еще более укрепившийся, расширявшийся за счет вступления в него новых членов и превратившийся в гипертрофированный инструмент давления во всемирном масштабе, Североатлантический альянс во главе с США разрастался дальше на восток. Этот процесс продолжался на протяжении последующих двух десятилетий. В 90-е при демократе Билле Клинтоне эта восточная экспансия вылилась в войну в бывшей Югославии, а также в попытки вытеснить Россию из Средней Азии ради установления контроля за ресурсами — в первую очередь углеводородными — и их распределением. Однако эти потуги в целом не увенчались успехом из-за того, что Россия начала возвращать себе роль геополитического и экономического центра, притягивающего

своих соседей по региону. Между тем Запад не останавливался в своем намерении максимально ослабить Россию. Уже при республиканце Джордже Буше по постсоветскому пространству прокатилась волна «цветных революций». Эти революции если не непосредственно, то, во всяком случае, весьма активно поощрялись и спонсировались Госдепом США и зависящими от него НПО. Первой была «революция роз» в Грузии в ноябре 2003-го, затем «оранжевая революция» на Украине в декабре 2004-го, потом «тюльпановая революция» в Киргизии в марте 2005-го. В августе 2008-го близкий союзник США президент Грузии Михаил Саакашвили предпринял неудачную попытку военным путем вернуть под свой контроль Южную Осетию и Абхазию, не подчинявшиеся Тбилиси еще с начала кровавых конфликтов на этих территориях в начале 90-х. Тогда Россия жестко пресекла эту попытку, положив предел грузинским амбициям и воспрепятствовав геополитическим замыслам США.

В настоящее время появившиеся еще в 60-е годы прошлого века прогнозы об исключительном потенциале СССР за счет сибирских природных ресурсов сполна подтверждаются применительно к современной России. Страна не только остается самым крупным и богатым природными ресурсами и энергоносителями государством в мире, но и, сумев преодолеть безтерриториальных потерь безвременье 90-х, возвращается на положенное ей место великой мировой державы.

Но путь к этому был нелегким. Сначала — во время первых двух президентских сроков Путина — все усилия были направлены на восстановление авторитета государства, на преодоление децентрализа-

Берлинская стена в 1989 году

Полная ответственность советского руководства за утрату первой возможности сближения с Западной Европой в 1966–1968 годах уравнивается виной европейских элит за вторую упущенную возможность двадцать лет спустя – в 1989–1990 годах, во время стремительного распада советского блока.

ции власти, искоренение произвола на местах и диктата олигархов. Некоторые из олигархов поспешно эмигрировали, как Владимир Гусинский или недавно умерший Борис Березовский. Михаил Ходорковский, владевший нефтяной компанией «ЮКОС» и обладавший откровенными политическими амбициями, был осужден и заключен в тюрьму за уклонение от уплаты налогов и незаконное присвоение государственных средств. Так Путину удалось сломить олигархическую фронду. В результате предпринятых им преобразований в России установился специфический режим «суверенной демократии», как эту

систему управления определил теоретик, идеолог и политтехнолог Кремля Владислав Сурков.

Демократию в каждом конкретном случае следует понимать как оригинальную модель, пригодную для использования в определенной стране в целях ее развития, а не как некритическое заимствование с Запада, как это было при Ельцине, когда гиперлиберальные сценарии, реализованные в российской экономике, привели к резкому падению жизненного уровня подавляющего большинства россиян. Именно тогда у преимущественной части населения России выработалось устойчивое неприятие демократии,

сопряженной с таким экономическим курсом и осуществленными рыночными реформами. Поэтому большинство поддержало протекционистский социальный курс Путина, в результате которого удалось добиться роста благосостояния, особенно в крупных городах. Россияне высоко оценили и внешнеполитический курс своего президента, которому удалось вернуть России роль мировой державы. Впоследствии, после восстановления полного экономического и политического суверенитета страны, дуумвират Путин–Медведев начал осуществлять тотальную модернизацию, но без рабского подражания западным моделям и без катастрофических последствий от предпринимаемых шагов, как это было при Ельцине.

Бывший сотрудник органов госбезопасности и юрист по образованию, Путин старался действовать подобно вернув-

шемуся в качестве государственного герба двуглавному орлу, одна из голов которого обращена к Западу, а другая взирает на национальные культурные корни и православную традицию — но и эта цивилизационная специфика России не лишена определенного лоска европейскости. Между тем в России еще остаются острые проблемы. Наиболее значимая из них — демографическая политика, которой так пока и не удалось стать достаточно эффективной. Не получается развернуть в обратном направлении тенденцию сокращения численности населения, обозначившуюся в начале 90-х и проявившуюся в ежегодной убыли в среднем на 700 тысяч человек. Этот показатель был лишь частично компенсирован продолжающимся возвращением в Россию русских с постсоветского пространства.

Таким образом, сейчас — после уже двух упущенных возможностей во второй половине 60-х и в конце 80-х — самом начале 90-х — появляется, может быть, последний шанс запустить общеевропейский интеграционный процесс. Это особенно важно в целях сдерживания почти полуторамиллиардного Китая и упрочения контроля над гигантскими сибирскими территориями между Уралом и Тихим океаном с их огромными природными ресурсами и вместе с тем с населением, составляющим менее одной пятидесятой части от 140 миллионов граждан России. Расширенная Европа, которая в полной мере может быть названа *EURUS-SIA*, должна на равноправных началах включать Евросоюз (вероятно, без Великобритании), Россию, Белоруссию, Украину и Казахстан. Это объединение в отдаленной перспективе должно стать единым геополитическим союзом. Такому союзу придется в

Первый президент России (на фото с Владимиром Потаниным и Михаилом Ходорковским) продемонстрировал всю свою совершенную некомпетентность в управлении такой огромной страной, как Россия, и оказался незаменимым инструментом для экономического и фактически политического подчинения государства американским и западным интересам, а также алчным туземным олигархам.

экономической, демографической и культурной областях успешно сосуществовать и конкурировать с двумя мировыми силами. Одна из этих сил — Китай, всё более склоняющийся к неоконфуцианству и лишь по названию остающийся социалистическим. Другая сила — это американская сверхдержава, в настоящее время переживающая кризисные процессы, но всё еще остающаяся наиболее мощной и влиятельной в мире. Соединенные Штаты могут действовать в паре с Великобританией — если, конечно, Лондон так и не решится не на словах, а на деле присоединиться к Евросоюзу и окажется отдаленным восточным форпостом американской империи. К тому же экономическая мощь Соединенных Штатов позволяет им по-прежнему играть в мировой

экономике ведущую роль — с ВВП в более чем 16 триллионов долларов. Стремительно развивающаяся китайская экономика пока что на втором месте в мире с ВВП, превышающим 8 триллионов долларов. То есть в абсолютных показателях ВВП Китай всё еще серьезно отстает от Соединенных Штатов.

Подобная экономическая и геополитическая интеграция между двумя половинами Евразии (первым шагом в этом направлении могло бы стать окончательное преодоление анахронизма визового режима) способна наверстать прошлые упущенные возможности. И в перспективе *EU-RUSSIA* может стать новым мощным субъектом — наследником двух крупных империй, существующих в современном глобализованном мире, — Российской Федера-

В августе 2008-го близкий союзник США президент Грузии Михаил Саакашвили (на фото с Владимиром Путиным) предпринял неудачную попытку военным путем вернуть под свой контроль Южную Осетию и Абхазию, не подчинявшиеся Тбилиси еще с начала кровавых конфликтов на этих территориях в начале 90-х. Тогда Россия жестко пресекла эту попытку, положив предел грузинским амбициям и воспрепятствовав геополитическим замыслам США.

ции и Европейского союза. Разумеется, речь не идет о вступлении РФ в ЕС. Эта интеграция должна происходить постепенно, путем селективного взаимопроникновения,

выравнивания и согласования всех внутренних стандартов и правил и — что особенно важно — при взаимном уважении общих ценностей. Для этого прежде всего следует из-

бавиться от близоруких и тупых русофобских и еврофобских клише, эксплуатируемых определенными политическими и интеллектуальными элитами обеих частей Северной Евразии. Следует отметить, что эти стереотипы — не антикоммунистические, но именно русофобские — слишком укоренились в сознании европейских элит независимо от того, какой на самом деле была российская государственность. Скажем, в течение 70 лет советской власти эти стереотипы маскировались риторикой антикоммунистического сдерживания. Известный российский журналист Виталий Третьяков по этому поводу замечал: «Россия пойдет только на равноправный союз с Европой, то есть с Евросоюзом. Причем она придет к этому союзу не в одиночку, а во главе своего собственного (Российского) союза, примерно совпадающего с историческими границами Российской империи и Советского Союза (восточноевропейского православия)». В продвижении в этом направлении, как это часто бывает, экономика и связанные с ней сферы государственной деятельности оказались далеко впереди чистой политики. Словом, Европе не следовало бы упускать свой третий — и вероятно, последний — шанс. Россия не только богата природными и энергетическими ресурсами, для транспортировки которых созданы разветвленные системы трубопроводов, управляемые главным образом государственными концернами типа «Газпрома», «Роснефти» и «Транснефти». У нее еще есть и собственные технологические ноу-хау — например, в рамках государственной корпорации «Ростехнологии». Вместе с тем даже если России и удастся воссоздать большой Российский союз, куда могли бы войти Белоруссия, значительная

часть русскоязычных и православных территорий Украины и, быть может, северо-западного и северного Казахстана, ей всё равно будет нелегко сохранить единоличный контроль над всей Сибирью перед лицом китайских амбиций. Еще в 1967 году маршал Линь Бяо, фигура номер два в маоистском Китае, говорил: «Мы утверждаем, что большая часть территории Сибири принадлежит Китаю». Можно, конечно, полагать, что подобные настроения — как и сама эпоха «великого кормчего» — в далеком прошлом. Как знать. Голые цифры свидетельствуют о том, что 140 миллионов россиян явно не достаточно для противодействия давлению со стороны Китая с населением в 10 раз большим.

Еще в 1967 году маршал Линь Бяо, фигура номер два в маоистском Китае, говорил: «Мы утверждаем, что большая часть территории Сибири принадлежит Китаю». Можно, конечно, полагать, что подобные настроения — как и сама эпоха «великого кормчего» — в далеком прошлом. Как знать. Голые цифры свидетельствуют о том, что 140 миллионов россиян явно не достаточно для противодействия давлению со стороны Китая с населением в 10 раз большим.

В свою очередь и обрубок в виде Западной, Центральной и Южной Европы, pompезно называемый Европейским союзом, густонаселенный, с развитым гражданским обществом, всё более и более метисизирующимся, бедный природными и энергетическими ресурсами, испытывающий кризис своей идентичности и лишенный общей геополитической перспективы для дальнейшего развития, которое бы выводило его за рамки одного

лишь общего рынка и единой валюты, нуждается в России. Две части Евразии, как две половинки яблока: если они будут разделены, то неизбежно обрекут себя на экономический и геополитический упадок и превратятся в провинциальные регионы, вынужденные заискивать перед иными — гораздо более мощными и решительными — глобальными игроками.

Перевод с итальянского